

²⁰ Дружинин А. В. Собр. соч.: В 8-ми т. СПб., 1856, т. VII, с. 60.

²¹ ГПБ РО, ф. 208, д. 98, л. 8.

²² Там же, л. 209.

²³ Шелгунов Н. В. Соч.: В 2-х т. СПб., 1891, т. I, с. 504—506.

²⁴ Храпченко М. Б. Творческая индивидуальность и развитие литературы. 3-е изд. М., 1975, с. 213.

В. В. СДОБНОВ

(Чечено-Ингушский госуниверситет
им. Л. Н. Толстого)

ЧИТАТЕЛЬ В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ ПУШКИНА И ДОСТОЕВСКОГО

Несколько наблюдений

На протяжении всей своей творческой деятельности Ф. М. Достоевский обращался к Пушкину как к чудотворному источнику вдохновения и таланта. Несмотря на разительное несоответствие художественного мира обоих писателей (с одной стороны, «оздоравливающий» и просветленный, с другой — противоречивый и надрывный), между ними имеется несомненная близость. Многие произведения Достоевского наполнены пушкинскими реминисценциями, но он не только трансформировал и воплотил гениальные образы и ситуации поэта, но и использовал в своем творчестве его художественные концепции. Уже в первом романе «Бедные люди» Достоевский продолжил начатую Пушкиным тему «маленького человека» и включил в художественную структуру произведения образ Самсона Вырина из «Станционного смотрителя», чутко уловив генетическую связь между героями.

Близость обоих писателей сказалась и в их подходе к изображению явлений текущей действительности. Пушкин в этом отношении является величайшим новатором, и его традиции Достоевский унаследовал вполне. Д. Д. Благой отмечал: «Одним из важнейших вкладов, внесенных Пушкиным в русскую литературу, был пафос современности. Но и тогда, когда он писал на материале порой почти сегодняшнего дня (и в «Евгении Онегине», и в особенности в «Медном всаднике», где в один узел символически были связаны прошлое, настоящее и будущее страны, народа, и в своей лирике), он — гениальный художник — мыслил категория-

ми «века»... Не только свидетелем, а не менее и даже более страстным участником своей современности являлся и Достоевский. Его задушевнейшим убеждением было, что лишь «насущнейшее», «современное» составляют предмет истинного искусства»¹.

Пушкин, обратившись в своих произведениях к явлениям текущей действительности, сломал традиционное романтическое представление читателей об окружающем мире, положил начало глубокому развитию новых уровней читательского восприятия. Разумеется, переворот в сознании современников поэта не мог проходить сразу и безболезненно. Многие из них еще опирались на свой старый читательский опыт, на свои прежние литературные потребности и интересы, искали нравственный и эстетический идеал в возвышенном отражении действительности, считая «обыденность» недостойным предметом литературы. Необходим был своеобразный период, чтобы читатели, даже передовые, смогли до конца понять и правильно оценить целесообразность пушкинских воззрений. Для Пушкина этот период прошел в горячей полемике, и он (а вслед за ним и Гоголь) первым выдержал нападки консервативно настроенных читателей и критиков и не отступил от избранных позиций.

Обратимся к «Евгению Онегину». Этот роман, как и всякий литературный шедевр, вызвал в публике величайший интерес. Необычная манера повествования, художественный мир, так тесно связанный с реальным, легкость восприятия — все это привлекло внимание самых различных читательских кругов. «Увлечение романом Пушкина, — пишет И. Е. Усок, — захватило широкие круги рядовых читателей-современников. Новых глав романа ждали, а после появления о них спорили. Их заучивали наизусть. Роман вызвал массу откликов, критические статьи, библиографические заметки в журналах корреспондировали с откликами в письмах, дневниковыми записями, устными обсуждениями. О романе говорили в светских гостиных и в семейном кругу»².

Однако «притяжение» к роману не привело к его повсеместному успеху и принятию новых художественных концепций. Для многих он оказался и необычным, и непривычным. Поэтому прочтение уже первых глав вылилось в полемику в журналах и в публике. Да иначе и быть не могло. Такова судьба любого литературного шедевра, опережающего интересы и потребности читателей. А «Евгений Онегин», действительно, «непривычный» роман, непривычно просты, естест-

венны и знакомы его герои и ситуации. Для многих читателей текущая действительность, так полно и ярко описанная в романе, оказалась низкой для их «высокого» эстетического вкуса. Многие сравнивали роман с романтическими поэмами, видели в нем неудачное подражание Байрону. Словом, рассуждали о новом во всех отношениях произведении со старых читательских позиций. Отсюда — и недоумение, и просто непонимание. «Среди первых читателей «Евгения Онегина» были, однако, и усомнившиеся и даже разочаровавшиеся в Пушкине и направлении его художественного развития». «Современникам не понравился Онегин. Они осудили его поступки, но разбираться в их причинах не стали»³.

Различные оценки и уровни восприятия «Евгения Онегина» вполне естественны и закономерны. Ведь Пушкин был на голову выше многих своих современников, которым для полного понимания и осознания романа требовалось время. Поэт, однако, не стал ждать, пока общество в должной мере воздаст ему по заслугам. И в последующих произведениях, даже отвлекаясь от современной текущей действительности, он увязывал их проблематику с насущными вопросами, представлял читателю человека, живущего в реальном мире, со всеми его слабостями и пороками, а не идеал для восторженного подражания. Более того, неистощимая творческая энергия подсказывала ему новые методы отражения реальной действительности. Его уже интересует не только «человек в миру», но и «человек в себе», его внутренние порывы и переживания. Введение новых, более сложных форм восприятия привело к тому, что даже опытные и прогрессивные читатели не смогли по достоинству оценить многие произведения поэта 1830-х годов. Так, появление в печати «Скупого рыцаря» (1836) осталось, в сущности, незамеченным. Лишь позднее часть читателей смогла разобраться в этом произведении, определить своеобразие прекрасного исполнительского мастерства Пушкина. В. Г. Белинский дал замечательный психологический анализ «Скупого рыцаря», но даже он видел в маленьких трагедиях одно из доказательств ухода поэта от текущей действительности, от насущных вопросов современности.

Достоевский одним из первых сумел понять и оценить новаторство Пушкина-реалиста. Он берет на вооружение его принципы отражения реальной жизни, существенно развивает и увязывает их с ориентацией на читателей. Как и Пушкин, Достоевский в начале своего творческого пути опе-

режает литературные интересы своих современников. В письме к брату от 1 февраля 1846 г. он писал по поводу «Бедных людей»: «В публике нашей есть инстинкт, как во всякой толпе, но нет образованности. Не понимают, как можно писать таким слогом... Во мне находят новую оригинальную струю (Белинский и прочие), состоящую в том, что я действую Анализом, а не Синтезом, т. е. иду в глубину, а разбирая по атомам, отыскиваю целое; Гоголь же берет прямо целое и оттого не так глубок, как я». И наконец: «Ну, брат! Какую ожесточенную брань встретили их везде! В «Иллюстрации» я читал не критику, а ругательство. В «Северной пчеле» было черт знает что такое. Но я помню, как встречали Гоголя, и все мы знаем, как встречали Пушкина... Ругали, ругали его (Гоголя. — В. С.), ругали-ругали, а все-таки читали и теперь помирились с ним и стали хвалить»⁴. Таким образом, Достоевский сознательно идет на опережение и даже на разрыв с определенными читательскими кругами, полагая, что развитие интеллектуального уровня восприятия приведет в конце концов к должным результатам.

В литературной судьбе Пушкина 30-х годов и в начальной карьере Достоевского есть немало сходного. Подобно «Евгению Онегину», Достоевский пишет «непривычный» и «повседневный» роман «Бедные люди». Оба романа, несмотря на неприятие некоторых форм художественного исполнения, встречены передовыми читателями и критиками весьма положительно. В дальнейшем Достоевский, как и Пушкин, смело вторгается в мир душевных переживаний и потрясенный героя («Двойник», 1846), но реакция публики и критики на это необычайно глубокое отражение текущей действительности стала отрицательной. Сходна оценка маленьких трагедий и «Двойника» Белинским. Достоевского критик тоже упрекал за уход от действительности. Кстати, сам Достоевский никогда не считал глубокое изображение внутренней жизни своих героев отступлением от реализма и от текущих событий. Д. Д. Благой отметил, что Достоевский «первым почувствовал и показал глубинную внутреннюю связь «Скупого рыцаря» с настоящим, с важнейшими процессами и явлениями мировой, в том числе русской, современности»⁵.

Проблема взаимосвязи форм отражения действительности и читательского восприятия особенно остро возникла перед Достоевским в 60-е годы. Возвратившись с каторги, он внимательно изучает литературные потребности и вкусы

своих современников, которые заметно изменились. Развитие реализма в литературе, новые отечественные и зарубежные шедевры обратили внимание русской публики на насущные вопросы текущей действительности. Романтические идеалы остались в сознании лишь немногочисленной ее части. Вырос интеллектуальный уровень русских читателей, усложнились и уровни восприятия художественного текста. В связи с этим Достоевский ищет новые пути к читателю, стараясь в то же время сохранить пушкинские традиции. «Вслед Пушкину, — писал Д. Благой, — он допускал порой включение в свой роман «полной правды» и элементов фантастики, считая однако, что «фантастическое должно до того соприкасаться с реальным, что вы должны почти поверить ему». И тут непосредственным образцом для Достоевского являлась «Пиковая дама»⁶.

Резкое увеличение «элементов фантастики», глубокое проникновение в потаенные глубины, в самые глухие и темные лабиринты человеческой души создает необычайно своеобразный, «стрессово-фантастический колорит», присущий только произведениям Достоевского. Такое изображение он считал важнейшей задачей художника-реалиста. Вот почему, когда после появления «Записок из Мертвого дома» за ним все прочнее стала утверждаться репутация художника-психолога, писатель возражал: «Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, т. е. изображаю все глубины души человеческой»⁷. В этом отношении романы Достоевского по-прежнему оставались выше понимания многих его современников.

Необычайно глубоко в 60-е годы Достоевский изучал и реальную жизнь, мир во вне. Он внимательно следил за газетными и журнальными сообщениями, за всеми выдающимися событиями и воззрениями эпохи. Большое значение для его творчества имели личные наблюдения и впечатления, анализ поступков окружающих людей. «Я люблю бродя по улицам, — писал Достоевский, — присматриваться к иным совсем незнакомым прохожим, изучать их лица и угадывать: кто они, как живут, чем занимаются и что особенно их в эту минуту интересует»⁸. Все накопленные реальные факты и прототипы Достоевским заново переосмысливались в процессе творчества, а затем воплощались в структуре художественного текста. Они придавали его произведениям жизненность, естественность, создавали точную картину российской действительности, что не могло не заинтересовать

читателей. Но в целом идейная проблематика и «структура» произведений Достоевского оставались выше уровня восприятия среднего человека «толпы». Да и из самой текущей действительности отбирались, как правило, самые необычные, сложные и исключительные события. Таких событий немало было еще у Пушкина, например, в «Пиковой даме» и «Медном всаднике». Не случайно оба произведения до сих пор относятся к числу «загадочных». И все же было бы неверно сказать, что и Пушкин, и Достоевский на протяжении всей своей творческой деятельности не искали компромиссного решения проблемы читателя. Особенно Достоевский. Живя только литературным трудом, постоянно испытывая материальную нужду, писатель не мог не думать о своей карьере, о связях с широкой читательской аудиторией своего времени. В середине 1860-х годов, когда материальное положение писателя было особенно тяжелым, он вынужден был всерьез задуматься над способами привлечения читательского внимания, при этом он не хотел упрощать идейную проблематику произведений. Главной задачей писателя было стремление высказать то, что его самого волновало и мучило. Все эти проблемы были решены в «эффектном романе» «Преступление и наказание», в котором сложные идейные потенциалы раскрывались на детективной основе. Элементы детектива вводились и в более поздние произведения. Они «производили эффект», интриговали читателя, до предела обостряли его впечатления, но увлечение детективной стороной нередко уводило по «ложной дороге». Об этом Достоевский знал.

Не забудем, что занимательность внешней интриги, безусловно, волновала и Пушкина. Он заботился о том, чтобы его произведения читали с большим интересом. Даже, казалось бы, в таком «повседневном» романе, как «Евгений Онегин», есть свои эффекты: это и дуэль Онегина с Ленским, и письмо Татьяны, и неожиданная развязка. В маленьких трагедиях, в «Дубровском», в «Пиковой даме», в «Капитанской дочке» перипетии сюжета наполнены эффектами, которые захватывают читателя и держат его в напряжении.

Для Достоевского в 1860—1870-х годах эффектность стала важнейшим принципом ориентации на читателей. С этой точки зрения он рассматривал порой и творчество других художников. «Г-н Дюма написал ужасно много, — пишет он, — г. Айвазовский тоже. И тот и другой художник поражают чрезвычайно эффектностью, и именно чрезвычай-

ною, потому что обыкновенных вещей они вовсе и не пишут, презирают вещи обыкновенные. Занимательность их композиций не подлежит сомнению: Дюма читался с жадностью, с азартом; картины г. Айвазовского раскупаются нарасхват. У того и у другого произведения имеют сказочный характер: бенгальские огни, трескотня, вопли, вой ветра, молния. И тот и другой употребляют краски, во-первых, обыкновенные, а потом, вдобавок к ним, пускают там и сям эффекты...». Достоевский внимательным образом изучил причины «дюмасовского интереса» и относился к эффектам как к закономерному явлению, он сам использовал их довольно часто. «Собственно говоря, — продолжает рассуждать писатель, — в этом сравнении для г. Айвазовского оскорбительного ничего нет; все искусство состоит в известной доле преувеличения, с тем, однако же, чтобы не переходить известных границ»⁹.

Достоверная эффектность у Достоевского служила не только средством привлечения читательского внимания, но и помогала решать сложные идейные и художественные задачи, способствовала сближению с героями произведений. Целесообразность использования эффектов писатель проверял, обращаясь прежде всего к произведениям Пушкина. Он выбирал самые сложные в психологическом отношении сцены и монологи и внимательно следил за реакцией публики во время их чтения. С восторгом вспоминала писательница Л. И. Веселитская о том, как Достоевский читал монолог старого барона из «Скупого рыцаря»: «Я, по крайней мере, в жизни не слышала лучшего чтения. А когда в конце третьей сцены он начал шептать, задыхаясь:

Ноги мои слабеют...
Душно!.. Душно!..

мы испугались, думая, что у него начинается припадок. Но все кончилось благополучно. Он выпил стакан воды и поклонился публике при громе восторженных рукоплесканий»¹⁰.

Традиции Пушкина открыли Достоевскому путь к читателю, причем в самые ответственные периоды его деятельности. Они были использованы при написании итогового и заветного романа — «Братья Карамазовы»; в нем много пушкинских реминисценций, которые помогают глубже уяснить его сложную проблематику и художественный мир. Как и в «Евгении Онегине», в структуру романа вводится образ

воображаемого читателя, к которому автор обращается с различного рода разъяснениями и которого интригует. Кроме того, здесь, как ни в одном другом романе, сказалось просветляющее и оздоравливающее влияние пушкинского таланта. Обращение Достоевского, и особенно в последние годы, к традициям Пушкина связано с резко возросшей популярностью поэта в конце 1870-х годов, а также с предстоящими юбилейными торжествами. Писатель с большой пользой для себя определил причины этой популярности. «Братья Карамазовы» и знаменитая речь Достоевского о Пушкине в июне 1880 г. в Москве еще больше «сблизили» двух писателей, вызвали в читательской среде всеобщее преклонение, восторженное отношение к ним. Впрочем, такая ситуация продолжалась недолго. После смерти Достоевского в январе 1881 г. популярность его снижается, а гений Пушкина светит ровно и ярко. Это подтверждает проведенная в 1892 г. издателем М. М. Ледерле анкета, цель которой — определить степень популярности русских писателей в читательской среде. В это время произведения Пушкина по степени своей «читабельности» занимали первое место, в то время как Достоевскому отдавали предпочтение лишь после Тургенева, Лермонтова, Толстого, Гоголя и ряда других писателей. В снижении популярности Достоевского значительную роль сыграли изменившиеся исторические условия, а также трагические, порой надрывные мотивы его произведений, сложная и противоречивая проблематика, недоступная для восприятия многих читателей.

Сложность восприятия Достоевского остается и до сих пор. Несмотря на то, что в наше время он является одним из самых популярных писателей, говорить о полном понимании его творчества еще рано. Имеется и ряд психологических факторов, которые сказываются при обращении к Достоевскому. Если знакомство со светлым и гармоничным миром Пушкина читателю всегда доставляет радость, то этого не скажешь о Достоевском. Его искусство вносит в душу смятение и трагизм; и надо немало сосредоточенных усилий, чтобы за кричащими (а иногда и почти зловещными) противоречиями его сознания разглядеть его высокий и по-пушкински устойчивый гуманистический идеал.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Благой Д. Д.* Достоевский и Пушкин. — В кн.: Достоевский — художник и мыслитель. М., 1972, с. 351—352.

² Усок И. Е. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» и его восприятие в России 19—20 вв. — В кн.: Русская литература в историко-функциональном освещении. М., 1979, с. 243.

³ Там же, с. 242, 259.

⁴ Достоевский Ф. М. Письма: В 4-х т. М.; Л., 1928, т. I, с. 86.

⁵ Благой Д. Д. Указ. соч., с. 376.

⁶ Там же, с. 410.

⁷ Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского (вторая пагинация). СПб., 1883, с. 373.

⁸ Ф. М. Достоевский об искусстве. М., 1973, с. 232.

⁹ Там же, с. 137.

¹⁰ Микулич В. (Веселитская Л. И.) Встреча со знаменитостью. М., 1903, с. 15.

В. А. НИКОЛЬСКИЙ

(Калининский госуниверситет)

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» ПУШКИНА И «ПОШЕХОНСКАЯ СТАРИНА» ЩЕДРИНА

Оправдано ли сопоставление величайшего творения Пушкина с произведением, завершающим творческий путь Салтыкова-Щедрина? Более полувека разделяет эти книги: «Евгений Онегин» опубликован полностью в 1833 г., «Пошехонская старина» — в 1889. Разительно непохожи они по своей художественной природе: стихотворный роман, исполненный лиризма, в котором главный интерес сосредоточен на переживаниях трех-четырёх лиц, и прозаическая семейная хроника, свободная от традиционной романической интриги и содержащая богатейшую галерею типов и бытовых картин.

Но уже самая несхожесть их позволяет судить о пути, пройденном русской литературой за полустолетие: это крайние звенья единой цепи. Художественное совершенство делает их сравнимыми в эстетическом отношении. К тому же между ними есть и существенные внутренние связи.

Пушкин и Щедрин обращаются к одной и той же поре русской жизни — поре крепостничества, уже вступившего в полосу упадка. Сюжетное время пушкинского романа охватывает пятилетие, непосредственно предшествующее выступлению декабристов, а авторское время — и последующие годы. Щедрин рисует детство Никанора Затрапезного, своего однолетка, т. е. в основном 1826—1836 гг. И обитателям Пошехонья уже знаком «Евгений Онегин», который главами начал публиковаться с 1825 г.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
КАЛИНИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А. С. ПУШКИН
И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сборник научных трудов

Калинин 1983